

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

В декабре 1999 года Институт социологии НАН Украины празднует юбилей Лидии Васильевны Сохань, принадлежащей к плеяде основателей отечественной социологии и социальной психологии, доктора философских наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Украины, члена-корреспондента НАН Украины, академика Балтийской педагогической академии, ныне – советника при дирекции Института социологии НАНУ.

В свете этого события предлагаем вниманию наших читателей

Интервью с юбиляром

Лидия Васильевна, почему Вы выбрали социологию и, собственно, социальную психологию как направление своей профессиональной деятельности?

Л.С.: Потому что меня привлекает тайна человеческой индивидуальности и проблема самоопределения человека в сообществе людей. Этот интерес зародился у меня еще в школьные годы. Зерна его были, видимо, заложены в пору детства, когда я вместе со своими сестрами и братом, затаив дыхание, слушала сказки и былины, которые долгими сибирскими вечерами рассказывал папа, знавший наизусть почти все русские былины. Рассказывая, он давал им свое толкование, переводя их сюжеты на язык нашей повседневности. Все пережитое в те мгновения осело в душе и дало свои всходы.

В моем духовном становлении, в том числе и профессиональном самоопределении, большую роль играла мама. Умная, добрая, она с таким интересом и с таким одобрением относилась к моей увлеченности чтением, так внимательно обсуждала мои жизненные проекты, не сетуя на иллюзорность многих моих причудливых желаний, так трогательно поддерживала меня в моих мучительных поисках самой себя, так не весть почему верила в мою фортуна, что всего этого, как живительного источника, мне хватит до конца моих дней. Самоопределение, выбор жизненного пути — дело трудное, но, не свершив его, рискуешь всю жизнь простоять на распутье. Значительно позже я прочла у А.Сент-Экзюпери: “Когда мы осмыслим свою роль на земле, пусть самую скромную и незаметную, тогда лишь мы будем счастливы”.

Свою лепту в процесс моего самоопределения внесла школа. Учитель для нас тогда значил многое, и, в моем восприятии, у нас были хорошие школьные наставники, преданные своему делу, с любовью относившиеся к нам, пробуждавшие у нас тягу к знаниям, влечение к добру и человечности. Директор школы, преподававший историю, Овсянников Сергей Иванович до конца дней своих, перешагнув 80-летний рубеж своей жизни, поддерживал контакты со многими своими воспитанниками, и его дом

непрерывно посещали его ученики, из разных краев приезжая в родной город на Оби — Новосибирск.

К моему юбилею не так давно моя младшая сестра Мария, которую я нежно называю Мушкой, преподнесла мне необыкновенный подарок — несколько листов школьной тетради с моими выписками из произведений отечественной и зарубежной классики — Л.Толстой, А.Герцен, Н.Добролюбов, О.Бальзак и др., — сделанными мною более чем полвека назад, когда я училась в 8–9 классах. По ним можно судить, что уже в те годы меня влекла к себе загадка человеческой души, путь формирования характера и жизненного мира личности.

Были ли какие-то особые жизненные обстоятельства, которые позволили этому интересу взреть и проявиться?

Л.С.: Да, разумеется, без такого рода обстоятельств, надо полагать, не происходит становление индивидуальной жизненной судьбы. Я бы отметила несколько моментов в этом сложном и неоднолинейном процессе. Прежде всего крупные переломы в нашей семейной истории, связанные с общей ситуацией в стране в начале 30-х годов, когда наши родители оказались в опале и семья фактически была разорена. Это способствовало раннему пробуждению самосознания и “думания”: что к чему, почему; побуждало искать ответы и в жизни и в литературе. Выбор круга чтения определялся духовными исканиями, поиском своего места в жизни, стремлением понять себя и самоопределиться. Духовный заряд, полученный от родителей и учителей, направлял это чтение по пути идеальных нравственных предпочтений и установок.

Уже студенткой историко-филологического факультета Иркутского университета, а затем Новосибирского пединститута я стала с интересом поглощать научную литературу по психологии. И вот однажды, во время педагогической практики, когда мы давали уроки истории в школе, помню, все мои однокашники сидели над учебниками по истории, а я читала книжку по психологии. Заметив это, руководитель практики, доцент кафедры педагогики подошел ко мне и спросил: “Вас интересует психология?” Я ответила: “Да”. — “Хотите, я буду с Вами заниматься?” — “О, конечно!” И он стал давать мне специальные задания. Право же, эти уроки могли осложнить мой путь в психологию. Мой наставник стал обучать меня по “Основам общей психологии” С.Л.Рубинштейна. Положительным было то, что я приобщалась к высокой научной психологической классике. Но со своим уровнем общекультурного развития и психологической грамотности я могла не справиться с поставленной задачей, ибо труд С.Л.Рубинштейна написан высоким стилем и труден для непосвященного, но я все-таки упорно грызла гранит науки.

А затем уже совершенно чистая случайность. После окончания института в качестве секретаря комсомольской организации института я приехала на семинар в Москву. И вот одну из лекций нам читает бывший ректор Иркутского университета, а в то время начальник управления общественных наук Министерства высшего образования СССР Шевцов Николай Степанович. После лекции, узнав меня (будучи студенткой Иркутского университета, я на полставки работала секретарем историко-филологического факультета, и мне часто приходилось решать те или

иные вопросы в ректорате), он подошел ко мне, расспросил, как сложилась моя судьба, и предложил приехать в Москву в аспирантуру. После длительных раздумий и колебаний я решилась. Так открывался путь в психологию как сферу деятельности. Сдав вступительные экзамены, я стала аспиранткой отдела психологии, руководимого академиком С.Л.Рубинштейном в Институте философии АН СССР, и по завершении аспирантуры в 1950 году защитила кандидатскую диссертацию.

Как сложилась Ваша профессиональная карьера?

Л.С.: Я не сразу вышла на “самое себя”: была редактором, вела педагогическую работу в вузах, преподавая философию, и лишь в 60-е годы обрела возможность заниматься научно-исследовательской деятельностью, став старшим научным сотрудником, затем заведующей отделом Института философии, а позднее — Института социологии АН Украины.

В моей научно-исследовательской работе переплелись философия, социология и социальная психология. Первый период (60–70-е годы) был отмечен философскими студиями. Меня интересовала проблема развития духовного мира человека, чему и была посвящена моя докторская диссертация, защищенная в 1968 году.

Возросший в науке интерес к социологии сказался и на моих научных исканиях 70-х годов, инициированных также избранием меня председателем Украинского отделения Советской социологической ассоциации (1968–1978). Был проведен ряд конкретных социологических исследований, в том числе и крупномасштабная работа 80-х годов “Образ жизни населения Украины” — часть общесоюзного исследования по программе Института социологии АН СССР. Коллектив украинских социологов был инициатором разработки планов социального развития трудовых коллективов (первый такой план при моем непосредственном участии был составлен для Львовского телевизионного завода). Мне довелось представлять украинскую социологию на ряде Международных социологических конгрессов. Особый интерес у наших зарубежных коллег вызывали наши исследования, посвященные социальным последствиям НТР. Как один из авторов и руководитель авторского коллектива монографии “НТР: личность, деятельность, коллектив” я была удостоена премии им. Д.З.Мануильского.

В 80-е годы, когда в науке наблюдался всплеск повышенного интереса к проблеме образа жизни, наш коллектив включился в общий поток, но избрал свою стезю. Уже в публикации “Образ жизни” (1980) обозначился социально-психологический аспект проблемы. С этого момента руководимый мною коллектив отдела социальной психологии вполне определенно стал на путь социально-психологических исследований, и все последующие работы, посвященные теме индивидуальной человеческой жизни, выполнены в этом ключе: “Стиль жизни личности”, “Жизнь как творчество”, “Жизненный путь личности”, “Разумная организация жизни личности”, “Культура жизни личности”. Наша концепция индивидуальной жизни личности формировалась на основе исследований талантливых, ныне известных ученых — Н.А.Шульги, Е.И.Головахи, В.А.Тихоновича, И.О.Мартынюка, Е.А.Донченко, Н.В.Паниной, Е.Г.Злобиной, Н.И.Соболевой, Р.А.Ануфриевой, И.Э.Бекешкиной. Этот перечень можно было бы продолжить.

Было бы интересно, если бы Вы сформулировали ключевые положения концепции жизнетворчества, которую Вы представляете в науке.

Л.С.: Мы придерживаемся мнения, что во второй половине XX века в рамках психологической науки на основе парадигмы *жизнетворчества* сформировалась самостоятельная отрасль знания — психология индивидуальной жизни личности как наука о сущности, закономерностях и способах организации личностью своей индивидуальной жизнедеятельности в социуме. Эта новая отрасль психологии названа нами *креатология* — наука о творческом построении и осуществлении личностью ее индивидуальной жизни. В наших публикациях показано, что креатология имеет все классификационные признаки науки: объект и предмет познания, свою теорию и метод, свой понятийный аппарат.

Объект креатологии — жизнетворчество личности как субъекта своей индивидуальной жизни, ответственного перед обществом и перед собой за выбор и осуществление своей жизни.

Предметом креатологии являются процессы и технологии жизнетворчества личности как способа творческого проектирования и осуществления личностью своей жизни.

Теория креатологии формируется на основе теории личности как индивидуальности и теории творческой самоактуализации, содержательно интегрируясь собственно в теорию жизнетворчества на основе познания закономерностей и механизмов индивидуального жизнеосуществления.

Креатология обладает уже в определенной степени выкристаллизовавшимися понятиями и категориями (индивидуальная жизнь личности, жизнетворчество, искусство жизни, психологическая и педагогическая технология жизнетворчества и др.), обогащается в ходе своего становления и развития технологическими процедурами диагностики, проектирования и коррекции жизненного пути личности.

Известный американский психолог Эрих Фромм весьма точно охарактеризовал тот стереотип, которого придерживаются многие в понимании жизни. Современный человек, замечает он, считает, что читать и писать — это искусство, которому следует учиться, что стать архитектором, инженером или квалифицированным рабочим можно лишь благодаря серьезному обучению, но жить — это нечто настолько простое, что не требуется никаких особых усилий, чтобы этому научиться. Просто потому, что каждый живет по-своему, жизнь считается делом, в котором каждый знаток. Разумеется, при понимании жизни как воплощения предначертанной для человека судьбы, когда человеку отводится пассивная роль в осуществлении им его жизни, не встает вопрос о формировании у личности качеств, необходимых для творческого жизнеосуществления.

Жизнь человека — процесс индивидуальный, поэтому он носит многовариантный характер. Проекция предстоящей жизни может вообще не присутствовать в самосознании индивида, который живет, подчиняясь стихии жизненного потока; проекция эта может сохраняться “в уме”, не объективируясь в письменной или какой-либо иной форме; может вкрапляться как фрагмент в записи дневника, находить отражение в письмах, особенно близким людям; оформляться в виде жизненного проекта,

программы, плана. Нас как исследователей интересует именно последний вариант — модель жизни как воплощение заранее разработанных личностью для себя стратегии, сценария жизни, жизненного проекта.

Наша главная идея: человек может и должен быть режиссером своей жизни, творчески разрабатывать свою жизненную стратегию, создавать и осуществлять свой индивидуальный жизненный проект, в котором надлежит выполнить свои личные устремления как частного лица и социально ориентированные установки как гражданина. Мы исходим при этом из фундаментального постулата гуманистической психологии: стремление к самоосуществлению в человеке неодолимо, оно живет в глубинах его души, подчас несмотря на все невзгоды, испытания, страдания, отягочающие человеческую жизнь, особенно на переломных этапах истории.

Меня взволновало и восхитило понимание жизни, очень созвучное с нашей позицией, в афористической форме воплощенное в философско-поэтическом завещании матери Терезы:

Жизнь — это возможность. Воспользуйся ею.

Жизнь — красота. Восхитись ею.

Жизнь — это мечта. Осуществи ее.

Жизнь — это вызов. Прими его.

Жизнь — это долг твой насущный. Исполни его.

Жизнь — это игра. Стань игроком.

Жизнь — это богатство. Не растратяжь его!

Жизнь — это достояние. Береги его.

Жизнь — это любовь. Насладись ею сполна!

Жизнь — это тайна. Познай ее.

Жизнь — юдоль бедствий. Превозмоги все!

Жизнь — это песнь. Спой ее до конца.

Жизнь — это борьба. Стань борцом.

Жизнь — бездна неведомого. Ступи в нее, не страшась.

Жизнь — удача. Ищи этот миг!

Жизнь так прекрасна — не забуди!

Это твоя жизнь. Борись за нее!

Для того, чтобы осуществить свою жизнь, прожить и завершить ее с честью, человеку необходимо овладеть особым видом искусства — *искусством жизни*, в котором люди, к сожалению, нередко остаются дилетантами, а “чтобы быть в нем художником, мастером, следует пролить много крови своего сердца” (*Кармен Сильва*).

Как “стыкуется” идея проектирования индивидуальной жизни и проблема свободы личности? Не вписывает ли эта идея человека в прокрустово ложе его жизненного плана, программы, проекта?

Л.С.: Всякую идею можно довести до абсурда, в том числе и идею стратегического построения, то есть проектирования и планирования индивидуальной жизни. Но против этого “психологического вируса” есть средство — *мудрость*. Она вырабатывает у человека психологический иммунитет против глупостей и абсурда, что сохраняет его способность разумно и свободно регулировать свой жизненный процесс.

А как совершилась ваша “стыковка” с педагогами?

Л.С.: О, это интереснейшая ситуация, для нас весьма плодотворная, поскольку она открыла нам более широкий путь в жизнь. В один из прекрасных весенних дней 1996 года в отдел явился Ермаков Иван Игнатьевич — энтузиаст педагогической науки и практики, старший научный сотрудник Института педагогики АПН Украины. Его увлекла наша концепция жизнетворчества, изложенная в названных выше книгах, и, опираясь на эту концепцию, он подготовил вместе с педагогами-практиками книгу “Школа жизнетворчества” (1995). Возник взаимный интерес, так началось наше многолетнее сотрудничество, которое обрело реальные очертания и стало весьма плодотворным благодаря Институту содержания и методов обучения Министерства образования Украины. Директор института В.М.Доний и его заместитель Г.М.Несен горячо поддержали исследователей. Был издан ряд научно-методических пособий: “Психология и педагогика жизнетворчества личности” (1996), “Искусство жизнетворчества личности” (1997), “Жизненные кризисы личности” (1998).

Как были приняты Ваши идеи научной и педагогической общест-венностью?

Л.С.: Ответ на этот вопрос можно получить, ознакомившись с названными выше учебными пособиями, в них широко отражен опыт школ, которые строят стратегию образования в соответствии с концепцией и технологией жизнетворчества, обогащая их своим педагогическим опытом.

Ваши ближайшие научные планы?

Л.С.: Мы приступили к работе над исследовательским проектом “Жизненная компетентность личности”. В соответствии с теорией жизнетворчества, мы исходим из того, что для сознательного построения своей жизни человеку необходимы определенные знания, умения, жизненный опыт, то есть такие качества, которые интегрируются в понятие *жизненной компетентности*.

Вы удовлетворены достигнутым?

Л.С.: У каждого в жизни должен быть свой Эверест — вершина, которую он хотел бы достичь. У меня есть свой Эверест; я всю свою жизнь совершаю восхождение к этой вершине и считаю, что она еще далековато от меня. Это не просто знак честолюбивых устремлений. Это состояние и зов души, ее неукротимое стремление превозмочь будничную повседневность и хоть сколько-то устремиться ввысь, насколько позволяют возможности и обстоятельства. Значит, время поживать на лаврах в земной жизни не наступает.

Можно заключить, что Вы склонны ставить перед собой за-вышенные цели?

Л.С.: Да, конечно, иначе нельзя ожидать серьезных жизненных про-рывов. Но в этой ситуации человека подстерегает некоторая ловушка. В высоких замыслах сокрыта опасность проигрыша, если они исходят не из мужественной души, ибо путь к вершинам всегда усеян терниями. Так что, если не прельщает участь черепахи, мужай. И еще: развивай у себя

психосоциальное дальновидение и почаще смотри на звезды — избегнешь близорукости.

Как с этим связано Ваше жизненное кредо?

Л.С.: Моя научная позиция и мое жизненное кредо в главном совпадают. Я исповедую принцип — и стремлюсь жить по нему, — что каждый человек персонально ответственен за то, как он обустраивает свою жизнь.

А предопределение судьбы?

Л.С.: Мне очень нравится мнение о судьбе А.Оксанштерна, который сказал так: “Люди сделали из судьбы всеильную богиню, чтобы свалить на нее свои глупости”. Я придерживаюсь мнения, что судьба не есть некое предопределение, рок, предписание свыше, которое человек просто исполняет. Нет, он не просто исполнитель, он конструктор своей судьбы, он сам ее творит, исходя из того, что он несет в себе, тех внешних обстоятельств, которые являются полем его возможностей. Выбор принадлежит человеку, даже если он выбирает не Добро, а Зло, не Жизнь, а Смерть. Утрата способности свободного выбора — это уже болезненное состояние — будь то недуг конкретного человека или же социальная патология общества.

Вы жизнерадостный человек?

Л.С.: Воздаю хвалу Всевышнему, что он не наградил меня меланхолией. Полагаю, что высшее благоразумие — настроить себя на радостное восприятие жизни, даже если переживаешь трудные дни или грозят суровые испытания. Моя любимая поговорка: “Боже, но это же не конец света!” Радость — эликсир жизни. А печаль в христианском вероучении почитается за высочайший грех.

Вам везло в жизни?

Л.С.: Да, особенно на хороших людей, без этого легко затеряться в водовороте жизни.

Вам причиняли зло?

Л.С.: Да, но не так много, чтобы утратить веру в добро.

Как Вы относитесь к тем, кто нанес Вам обиду или причинил зло?

Л.С.: Без восторга, но стремлюсь соблюдать христианскую заповедь: понять и простить, хотя для этого требуются усилия, и немалые.

Ваше отношение к преградам на жизненном пути?

Л.С.: Стремлюсь не идти вспять: одолевает помогает вера в успех. Ясно, что этот механизм не всегда срабатывает. Тогда меняю цель или тактику.

Вы любите природу?

Л.С.: О, да. Я органически ощущаю себя частью ее, и она “подпитывает” меня жизненной энергией.

Какое время года Вам более всего приятно?

Л.С.: Весна — свершается чудо пробуждения природы, и открывается перспектива долгого любования благоухающим миром.

Какая часть суток Вам более всего по душе?

Л.С.: Утро.

Как часто Вам снятся кошмары?

Л.С.: Слава Богу, весьма редко.

Ваше хобби?

Л.С.: Мое хобби — “сочинительство”: пишу психологические эссе, афоризмы. Не без колебаний я решила часть из того, что написано за ряд лет, издать отдельной книжкой, озаглавив ее “Талисман души. Размышления о таинствах души и превратностях человеческой жизни” (Киев, 1996). Свои размышления я облекла в форму поэтических образов и максим. Это давняя, уходящая в глубь веков философская традиция. Избранный жанр дает возможность уловить тончайшие движения чувств, нарисовать причудливую картину повседневного бытия человека, обратить его взор на самого себя.

В свободное время, если оно выпадает, перечитываю любимых поэтов — Пушкина, Лермонтова (он с юности как-то по-особенному созвучен моей душе), Тютчева (ибо весьма болезненно ощущаю дефицит общения с природой), Олеса, его чарующую неповторимую лирику, Лину Костенко с ее мудрым, философским восприятием жизни. Люблю также мечтать и строить воздушные замки.

Ваша главная жизненная цель?

Л.С.: Выполнить свое жизненное предназначение.

Ваше самое заветное желание?

Л.С.: Спеть свою песнь до конца.

Ваше отношение к жизненным неудачам?

Л.С.: Как к вакцине против почивания на лаврах.

Ваше отношение к жизненным успехам?

Л.С.: Как к тесту на правильность избранного пути.

Есть ли какая-то особенная техника в Вашей технологии достижения жизненных успехов?

Л.С.: Ну а как же? У кого ее нет, у того и нет жизненного успеха. Я в своей жизненной стратегии принимаю во внимание то обстоятельство, что жизнь устроена так, что человеку часто приходится рисковать, без этого Эверест не одолеть. Чтобы не ошибиться, следую рекомендации психологов: овладевать искусством шахматиста — просчитывать свои действия на несколько ходов вперед, учитывая, что подобные операции совершает и твой визави. И еще: любой риск должен сочетаться с известной долей благоразумия. Но одно с другим вполне сочетается, когда есть еще две опоры: высокие намерения и благородство. Первое — оправдывает риск, второе — уберегает от того, чтобы в случае неудачи вину возлагать на кого-то, стоящего рядом. Это о стратегии. Что же касается конкретных техник, они избираются из наработанного арсенала, которым я пользуюсь с учетом конкретных ситуаций.

Чего Вы более всего опасаетесь?

Л.С.: Коварства ближнего.

К чему Вы больше всего стремитесь?

Л.С.: К полноте жизни.

Вы любимы?

Л.С.: Полагаю, что да.

Вы подозрительны?

Л.С.: Не очень.

Вы щедры?

Л.С.: Думаю, что умеренно, хотя ближние считают, что нередко сверхмерно, но это преувеличение.

Вы грешны?

Л.С.: Безгрешные ангелы пребывают на небе. А я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

Если бы Вы стали обладателем большой суммы денег, на что бы Вы их потратили?

Л.С.: Большую долю — на самое важное: образование моих внуков, помощь сыновьям для полноты их самореализации, определенную часть — на благотворительные цели и немалую — на свои причуды.

Вы довольны собой?

Л.С.: Быть недовольной собой и не любить себя — нарушение христианской заповеди.

Вы довольны своей судьбой?

Л.С.: Она мое детище, а свое детище любишь, не меряя: с грехами, ошибками, таким, каково оно есть. Удивительный парадокс: подчас судьба у иного человека складывается (очевидно, не без его участия) неблагоприятно, но и в этом случае, если бы ему предложили взамен другую, то не всякий решился бы рисковать.

Счастливы ли Вы?

Л.С.: Пожалуй, все-таки “да”. Моя старшая сестра Валентина — очень мудрая и мужественная женщина, которую опалил Чернобыль, куда она в первые же месяцы выезжала в качестве руководителя бригады скорой помощи, а три года назад мы ее проводили в последний путь, — прочитав мою книжку “Талисман души”, произнесла: “Об авторе этой книжки, если бы его не знала, я бы сказала так: это женщина трудной судьбы, ей часто доставляли боль, она страдала, и она прощала”. Мне кажется, что в этой способности “понять и простить” заложена большая энергетическая сила для жизнелюбия как родника оптимистического мировосприятия и такого состояния души, которое именуется счастьем.

Так вот, я считаю, что я в общем-то счастлива, если счастье рассматривать: а) как процесс, в котором счастливые мгновения перемежаются с переживанием огорчений и неудач; б) как преимущественный настрой

души; в) как общую тональность жизни; г) как определенную удовлетворенность степенью своей самореализации и достигнутыми жизненными успехами, что я оцениваю как критерий удачно сложившейся жизни.

В состоянии счастья вписываются профессиональные удачи и личные семейные радости. В Вашей формуле счастья есть и то и другое?

Л.С.: Конечно. Для женщины, даже очень увлеченной своей профессиональной деятельностью, личное, семейное играет, может быть, даже большую роль в ее мироощущении, в состоянии ее душевного настроя, чем это принято считать: это источник ее вдохновения, это сила, которая поддерживает ее, это пространство, где вызревают ее дерзания. Моя душа стала бы пустырем, если бы не оживлялась радостями, да, видимо, и тревогами тоже, связанными с моими сыновьями, внуками. Какой это неиссякаемый источник жизненности!

Лидия Васильевна, Вы со своим спутником жизни Павлом Степановичем, известным ученым-историком скоро будете отмечать полстолетия вашей супружеской жизни. Интересно, как удается вам, двум творческим индивидуальностям, сохранять домашний очаг, поддерживать гармонию семейных отношений?

Л.С.: Из всех проблем, которые приходится человеку решать в своей жизни, это, пожалуй, одна из наисложнейших. Как же нам удастся почти полвека идти одной стезей? Психологи считают, и наш личный опыт не ставит это под сомнение, что для прочности семейного союза очень важно, чтобы этот союз изначально складывался на основе взаимной любви, сердечной привязанности. Тогда, как об этом сказано в книжке “Талисман души”,

*светлых чувств тех, что искрились,
не истают след,
сколько б ни минуло лет.*

Но чтобы “светлых чувств не истают след”, следует относиться к любви, браку, семье как к духовно-моральному творчеству, где (если воспользоваться употребленным Вами выражением) спутники жизни совместно творят свой мир, ткань взаимных отношений и своих отношений с другими людьми, обществом, выполняя не только семейные, но и профессиональные, гражданские роли. И вот здесь очень важно то, на что обратил в свое время внимание мудрый французский писатель Андре Моруа. Речь идет об искусстве сохранения известной дистанции в отношениях. Наше общество сейчас вполне обоснованно озабочено сохранением и укреплением суверенитета государства. Но личность, особенно творческая индивидуальность, тоже очень сильно притязает на сохранение своей суверенности и идентичности. Семейные узы становятся путями, если игнорировать этот зов человеческой души. Мы в своих отношениях стремимся это тонкое наблюдение Моруа учитывать. И, конечно же, семейный союз скрепляют наши дети — у нас два сына, внуки, их трое.

Как Вы относитесь к идее жизни после жизни?

Л.В.: Я прочитала немало книг по этой проблеме и познакомилась со свидетельствами переживших якобы перевоплощение, но все это не сделало меня поклонницей идеи переселения душ. Я склонна проблему личного бессмертия решать в терминах физического и духовного наследования твоей сущности твоими потомками — детьми, внуками и т.д. Это ведь своеобразная форма переселения твоей души и ее жизни после твоей жизни. Ты продолжаешь также жить и в истории и культуре своего народа и человечества в меру емкости твоего личного вклада. Это тоже, в той или иной степени, увековечивает тебя. А думать, что твоя душа, отделившись после твоей смерти от грешного тела, вознесется куда-то или переселится куда-то, очень заманчиво, но столь проблематично, что *уверовать* пока не хватает *веры*. Хотя я, как человек, живущий на изломе эпохи, отягощена многими верованиями, пророчествами, предрассудками, составляющими духовную ауру переходных эпох.

Что Вы считаете главным для достижения полноты и продолжительности жизни?

Л.С.: Исследования психологов, в том числе и наши, свидетельствуют, что для воплощения желаемого в факт личной биографии важна психологическая установка на полноту и продолжительность жизни. Это осевая психологическая линия жизненного пути. И если в этом режиме будет использоваться и жизненная энергия человека, то у него есть шанс преуспеть, даже при неблагоприятных жизненных обстоятельствах. Кстати, не так уж мало людей, в том числе и психологов, придерживающихся мнения, что трудные жизненные обстоятельства, при соответствующем к ним отношении, тренируют человека, что повышает его жизненный потенциал. Если, конечно, человек склонен не хныкать, а действовать. Мне очень нравится мысль Дейла Карнеги: «Мы с Вами проживем на свете дольше и спокойнее, если научимся поглощать удары и толчки на скалистой дороге жизни». Можно полагать, что трансформационный процесс, переживаемый нашим обществом на пороге XXI века, носит такой болезненный характер и идет такими замедленными темпами в значительной мере потому, что деятельное отношение к трудностям перехода не стало превалирующим общественным настроением. Думаю, что здесь срабатывает психология патернализма, своеобразного социального иждивенчества, которое культивировалось прежним режимом всевластия государства с его ролью главного распределителя жизненных благ, которые создавало-то не оно, а народ. В этом перевернутом мире человек формировался как лицо, живущее благотворительностью государства, хотя за бесплатное образование, за бесплатную медицину и т.д. каждый платил фактически своим трудовым вкладом, и немалым.

До каких лет Вы желали бы дожить?

Л.С.: Звезда эстрады Валерий Леонтьев в одном из своих интервью сказал, что он просил бы Бога даровать ему еще 500 лет. Я с готовностью присоединилась бы к подобной просьбе, притязая хотя бы на половину. Подумать только: даже при долголетию в 100–130 лет, как, в сущности, удручающе коротка жизнь современного человека! Ведь в Библии упоми-

наются долгожители возрастом в 900 лет. И все же мне хочется сказать словами Василя Симоненко:

*Скільки б не судилося страждати,
Все одно благословлю завжди
День, коли мене родила мати
Для життя, для щастя, для біди...
Скільки в мене щастя, чорт візьми!
На землі сміятись і страждати,
Жити і любити поміж людьми!*

Знакомо ли Вам чувство потери смысла бытия, нередко преодолевающее человека, склонного к саморефлексии?

Л.С.: Синдром душевной драмы Л.Толстого, да и не только его, увы, знаком и мне. Но я удерживаюсь “на плаву” благодаря увлеченности своим делом, смысл которого мне лично представляется очевидным, и благодаря неравнодушию к людям, их судьбам, особенно судьбам близких мне — родных, друзей. Высокий жизненный смысл раскрывается для меня во взрослении и духовном становлении моих сыновей, внучат. Моя активная включенность в этот интереснейший процесс — неоценимое благо для меня: с детьми и внуками я как бы заново переживаю жизнь, прохожу ее основные вехи, этапы. Это увлекательнейшее путешествие по жизни уже в какой-то мере умудренного и наделенного определенным жизненным опытом человека. И удивительно, как много повторяется в их жизни из того, что пережито и тобой когда-то. Они также зорко всматриваются в мир, также размышляют над увиденным и озадачившим их, также тревожатся, страдают, радуются, любят. На память приходят слова Байрона: “Любовь стара, как мироздание, но каждый, кто пришел или придет на свет, приходит обновить ее завет”. Это так. Вновь вступающее в жизнь поколение, повинувшись законам жизни, несет в своем сердце заряд любви и обновляет ее заветы.

Но у жизни есть и более глубинный, метафизический смысл, определяющий предназначение человека. Этот смысл закодирован в ипостаси человека. Он повелевает каждому человеку выполнить свою жизнь как запрограммированный природой процесс, содержание которого наполняется культурой и историей. Принятие этого повеления и следование ему дает человеку стойкость и силу, чтобы превозмочь все тяготы жизни и пройти свой жизненный путь до его естественного завершения, спеть свою песнь до конца.

Ваш взгляд на будущее Земли?

Л.С.: Помилуйте, это не по адресу: есть Мишель Нострадамус и Павел Глоба. В наши дни прогнозы, предсказания вызывают повышенный интерес, особенно по мере приближения к пику эсхатологических пророчеств — 2000 году. Мои размышления? Наше далекое будущее: жизнь на Земле не вечна, но если человечество не погубит себя само, оно найдет себе достойное пристанище на других планетах. Ближайшее: мне оно представляется достаточно драматичным. Даже будучи неисправимым оптимистом, полагаю, что нас ожидают в новом тысячелетии суровые испытания. Мир становится все более перенасыщенным губительной энергией

зла и насилия, и наша беспечность перед лицом этого процесса может иметь трудно осознаваемые и предсказуемые последствия, история нас слабо учит. А ведь игра с огнем и попустительство никогда к добру не вели. И есть смысл добавить, что жизнь всегда будет достаточно несовершенна и желание лучшего никогда не погаснет в человеческой душе — в этом тайна обновления жизни и совершенствования рода “Человек”.

Хотели бы Вы вернуться в прошлое?

Л.С.: Что Вы? Я еще не дошла до такого состояния (и не хочу в него входить), чтобы отягощать себя абсурдными желаниями. Во-первых, прошлое — это уже состоявшееся явление, оно унесено потоком времени, и его возврат немыслим. Кроме того, в этом прошлом было немало такого, что нужно приветствовать, понимая, что оно кануло в Лету, а не пытаться его возродить. Но я протестую против синдрома разрушительства и беспардонного охаивания прошлой истории своего народа. История имеет свою логику и свои законы. Каждое поколение живет сообразно тому, что предписывает ему его время, и каждое поколение вносит свою лепту в обновление жизни.

Новому, вступающему в жизнь поколению следует проявлять если не мудрость (она обретается в процессе личного и социального взросления), то хотя бы осмотрительность и не рубить с плеча, перестраивая мир на свой лад — восстанавливать нерационально разрушенное куда сложнее.

Пафос всего того, во что наш исследовательский коллектив вкладывает свою мысль и свои интеллектуальные поиски, — способствовать доступными нам средствами возвышению достоинства человека, пробуждению и развитию у него потребности быть хозяином на Земле, активно, заинтересовано строить свою жизнь по высоким меркам Добра и Созидания.

Ваш девиз третьего тысячелетия?

Л.С.: Мудрость. Любовь. Человечность.

Интервью с юбиляром подготовлено редакцией нашего журнала